**Формирование государственного обвинения
как самостоятельная стадия
уголовного судопроизводства России**

КОВТУН Николай Николаевич, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор
Россия, 603144, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3
E-mail: kovtunnov@mail.ru

В качестве непосредственного предмета исследования в работе определены правовая природа, суть и значение такого этапа уголовного судопроизводства России, как действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (гл. 31 УПК РФ). Актуальность исследования обусловлена тем, что этот этап внутренней структуры уголовного процесса фактически оказался вне внимания современной доктрины российского уголовно-процессуального права. Отсутствуют определенность и методологическая точность понимания сути этого этапа, его телеологического назначения, круга задач, подлежащих разрешению, взаимосвязи этапа с иными производствами и стадиями уголовного судопроизводства России.

Целью исследования является обоснование вывода о том, что и нормативно, и по факту данный этап является самостоятельной, неотъемлемой стадией внутренней структуры уголовного процесса России, выполняющей одну из его важнейших задач. Для достижения цели поставлены и решены следующие задачи: 1) подвергнут критическому анализу и нивелирован тезис о том, что данный этап есть «самостоятельная часть» уголовного процесса России; 2) доказано, что нормативное и фактическое содержание этого этапа достоверно объективирует все признаки стадии процесса со своими целями, задачами, средствами их разрешения, структурой; 3) обосновано, что суть этой стадии заключается в формировании государственного обвинения-иска, адресованного суду для целей разрешения основного вопроса уголовного дела, а материально-центричное назначение — в акте привлечения преследуемого лица к уголовной ответственности.

Для верификации указанных тезисов применялись общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход, метод юридической интерпретации и логико-юридический метод. Методологической базой исследования послужил диалектический метод.

Вывод: внутренняя структура уголовного судопроизводства России, доктрина и практика обязаны пересмотреть подходы к этому этапу уголовно-процессуальной деятельности, воспринимая его назначение и суть как значимую, неотъемлемую стадию уголовного процесса России.

Ключевые слова: обвиняемый, привлечение к уголовной ответственности, обвинительное заключение, прокурор, стадия, критерии стадии.

Для цитирования: Ковтун Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123—137. DOI: 10.12737/jrl.2019.9.10

**Formation of Public Prosecution as an Independent Stage
of Criminal Proceedings in Russia**

N. N. KOVTUN, Nizhny Novgorod Academy, Ministry of the Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod 603144, Russian Federation
E-mail: kovtunnov@mail.ru

As a direct subject of research in the work the legal nature, role and contribution of such an independent stage of criminal procedure in Russia as “Actions and decisions of a prosecutor in a criminal case with an indictment” (Chapter 31 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) are identified. The relevance of the work is conditioned by the fact that this stage of the internal structure of the criminal process actually turned out to be out of the attention of the modern doctrine of the Russian criminal procedure law. There is no certainty and methodological accuracy in understanding the essence of this stage, its teleological purpose, the range of tasks to be resolved, the interrelation of the stage with other proceedings and the stages of criminal proceedings in Russia.

The aim of the study is to substantiate the conclusion that both the normative and the factual this stage is an independent, integral stage of the internal structure of the criminal process in Russia, performing one of its most important tasks. For this purpose, the following specific objectives have been pursued and solved: 1) the thesis that this stage is an “independent part” of the criminal process in Russia is subjected to critical analysis and leveled; 2) it is proved that the normative and actual content of this stage reliably objectifies all the signs of the process stage with its goals, objectives, means of their resolution, structure; 3) it is justified that the essence of this stage: the formation of the public prosecution — the claim of the state to the court for the purpose of solving the main issue of the criminal case; the material-centric aspect is an act of bringing the accused to criminal responsibility.

General scientific methods of analysis and synthesis, systematic approach, methods of legal interpretation and logical-legal methods were used to verify these theses. The methodological basis of the work was the dialectical method.

The final result of the work concluded that the internal structure of criminal proceedings in Russia, the doctrine and practice are obliged to reconsider their approaches to this stage of criminal procedure, perceiving its purpose and essence as a significant, integral stage of the criminal process in Russia.

Keywords: accused, criminal prosecution, indictment, прокурор prosecutor, the stage, stage criteria.

For citation: Kovtun N.N. Formation of Public Prosecution as an Independent Stage of Criminal Proceedings in Russia. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2019, no. 9, pp. 123—137. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.9.10

Понятие стадии уголовного судопроизводства, как резюмируется в российской уголовно-процессуальной доктрине, является одним из ключевых для данной отрасли права, поскольку именно с его помощью удастся точно определить как процесс нарастающего познания сведений о преступном деянии и лице, его совершившем, так и в целом структуру уголовно-процессуальной деятельности — структуру, выстроенную последовательно, через диалектику взаимообусловленных целей и задач каждого из этапов реализуемой деятельности, ее легально предусмотренных средств, через телеологически согласованную систему контроля, где каждая из последующих стадий процесса прежде всего призвана к проверке формы и результата предшествующего производства и лишь затем к разрешению своей непосредственной процессуальной задачи. Для понимания ценности точного опреде-

ления стадий в уголовном процессе принципиально и то, что внутреннее их построение является материально-центричным, так как в итоге определяется задачами разрешения вопросов материального права, исключая возможность произвольного выделения стадий для достижения сугубо процессуальных задач¹.

В контексте столь однозначно заявленной ценности доктрина и практика в целом определились в критериях, во-первых, позволяющих точно отграничить в качестве самостоятельных стадий отдельные этапы уголовного судопроизводства России; во-вторых, призванных к сущностной характеристике этих этапов. Конвенционально отказываясь от механического повтора всего спектра позиций относительно перечня и содержательных формулировок этих критериев, напомним,

¹ Подробнее см.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 21.

что в качестве определяющих чаще всего называют те из них, которые характеризуют: а) непосредственную задачу стадии, которая должна быть разрешена; б) установленные уголовно-процессуальным законом средства решения этой задачи; в) особый круг участников, появление и функционирование которых являются определяющими для данного этапа; г) структуру стадии, включающую: начальный и конечный момент; протяженность стадии во времени; итоговый процессуальный документ, свидетельствующий о выполнении непосредственных процессуальных задач и (потенциально) о необходимости перехода к следующему самостоятельному этапу (стадии).

Аналогично откажемся от простого перечисления стадий уголовного судопроизводства России, следующих одна за другой, от рассмотрения вопросов о продуктивности их классификации на обязательные и факультативные, обычные и экстраординарные, унифицированные и дифференцированные. Как представляется, эти дидактические моменты уже известны. Обратимся непосредственно к сути проблемы, обозначенной в качестве предмета исследования. Коллегам и практикам, функционирующим в сфере уголовного судопроизводства России, безусловно, известно, что в стройной, выверенной, взаимно согласованной системе стадий уголовного судопроизводства России объективирован такой самостоятельный этап, как «действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением» (гл. 31 УПК РФ), структурно расположенный между стадией предварительного расследования и стадией подготовки дела к судебному разбирательству.

Этап «неудобный» настолько, что назвать его стадией не решаются ни в одном из учебных изданий, в том числе удостоенных самого высокого грифа или без него. В разделах, где

перечисляются или характеризуются стадии, нет ни только попыток разъяснить суть и место этого этапа в общей структуре уголовного судопроизводства России, но даже упоминания о нем; он для структуры не существует. Некоторым исключением из этого правила выступает учебник по уголовному процессу под редакцией В. Т. Томина. Авторы учебника взяли на себя труд уточнить, что (для структуры уголовного процесса России) этот этап — не стадия, а «самостоятельная часть», основные отличия которой от стадии заключаются в том: (1) что на этом этапе функционирует только один участник — прокурор, и (2) его деятельность носит не уголовно-процессуальный, а организационно-административный характер².

Мы пока не ставим вопрос, насколько это суждение верно, а лишь акцентируем факт упоминания об этом этапе применительно к перечню и характеристике стадий уголовного судопроизводства России. В остальных (изученных) изданиях исследователи «вспоминают» о данном этапе лишь в силу потребности охарактеризовать порядок действий и решений следственных органов по ознакомлению заинтересованных участников процесса с материалами дела, оконченого расследованием, составлению обвинительного заключения, направлению материалов уголовного дела через прокурора в суд. Соответственно, пояснения относительно характера действий и решений прокурора по поступившему делу если и имеют место³, то исключительно в разделах

² См.: Уголовный процесс России: учебник / науч. ред. В. Т. Томин. М., 2003. С. 31.

³ В отдельных изданиях авторы не считают нужным обратиться к рассмотрению сути тех нормативных велений, которыми характеризуются действия и решения прокурора в порядке гл. 31 УПК РФ, тем самым косвенно отражая ценность этого этапа как для учебного курса, так и для уголовного судопроизводства России в целом. См., напри-

работы, которые посвящены заключительному этапу стадии предварительного расследования, связанному с актом составления обвинительного заключения (ст. 215—220 УПК РФ).

Так, в качестве самостоятельного (как правило — заключительного) параграфа главы, посвященной окончанию предварительного расследования, исследуемые действия и решения прокурора рассматриваются в учебниках под редакцией П. А. Лупинской⁴, Ю. К. Якимовича⁵, А. В. Смирнова⁶, А. П. Кругликова⁷, С. Б. Россинского⁸, Н. С. Мановой⁹, В. М. Лебедева¹⁰, А. В. Гринен-

мер: Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко, А. Г. Тузова. Ростов н/Д., 2015. 445 с.

⁴ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003. С. 437—438 (§ 6 гл. 27 «Формы окончания предварительного следствия»).

⁵ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. Ю. К. Якимович. СПб., 2007. С. 518—520 (§ 3 гл. 18 «Окончание предварительного следствия и направление дела с обвинительным заключением в суд»).

⁶ См.: Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд. М., 2008. С. 466—470 (§ 4 гл. 17 «Окончание предварительного расследования»).

⁷ См.: Уголовный процесс Российской Федерации: учебник / отв. ред. А. П. Кругликов. М., 2009. С. 489—491 (§ 3 гл. 20 «Окончание предварительного следствия с обвинительным заключением»).

⁸ См.: Россинский С. Б. Уголовный процесс: учебник. М., 2009. С. 459—461 (§ 3 гл. 18 «Окончание предварительного следствия с обвинительным заключением»).

⁹ См.: Манова Н. С. Уголовный процесс: курс лекций. М., 2010. С. 256 (раздел «Формы окончания предварительного расследования»).

¹⁰ См.: Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2012. С. 590—597 (§ 22.4 гл. 22 «Приостановление и окончание предварительного расследования»).

ко¹¹, В. П. Божьева и Б. Я. Гаврилова¹², А. И. Бастрыкина и А. А. Усачева¹³, а также в «Курсе уголовного процесса» под редакцией Л. В. Головки¹⁴.

Суть пояснений при этом, как правило, сводится либо к парафразу нормативных велений, установленных ст. 221—222 УПК РФ, либо к акцентирующим констатациям, по смыслу которых: деятельность прокурора на этом этапе «...является одной из форм надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»¹⁵; как следствие, изначально необоснованны любые изменения норм УПК РФ, связанные с ограничением властных полномочий прокурора по «переконформированию» обвинительного заключения. Непосредственно основа реализуемой деятельности, ее задачи, место этапа в общей структуре процесса при этом не обсуждаются либо вуалируются под общие рассуждения об обязанности прокурора проверить качество предыдущего производства по делу. Не уточняется и то, насколько цели, средства, итоги этой проверки тождественны или отличны от общей надзорной функции прокурора на

¹¹ См.: Гриненко А. В. Уголовный процесс: учебник для вузов. 2-е изд. М., 2013. С. 198—200 (§ 13.2 гл. 13 «Приостановление, возобновление и окончание предварительного расследования»).

¹² См.: Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. М., 2017. С. 257—258 (§ 12.2 гл. 12 «Приостановление и окончание предварительного следствия»).

¹³ См.: Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. 3-е изд. М., 2017. С. 230—231 (§ 18.4 гл. 18 «Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору»).

¹⁴ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. С. 412—413 (§ 4 гл. 19 «Окончание предварительного следствия с обвинительным заключением»).

¹⁵ См.: Россинский С. Б. Указ. соч. С. 459—461.

досудебном этапе уголовного судопроизводства России.

Определенным прорывом на общем фоне подобных суждений объективированы позиции А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского, взявших на себя смелость утверждать, что этот этап обладает определенной самостоятельностью и для него установлены свои задачи, сроки, итоговые решения. Однако констатировать, что это именно стадия, авторы не решились. Сомневаются они и в том, что этот этап суть заключительная часть стадии предварительного расследования, ибо для них — это итог в целом досудебного производства по делу. Как именно он «вписывается» в общую систему стадий уголовного судопроизводства России, авторы умалчивают. Одновременно они же проговаривают методологический, по сути, посыл, смысл которого в том, что именно на этом этапе прокурор впервые берет на себя ответственность за качество обвинения, которое ему в дальнейшем придется поддерживать в суде¹⁶.

Несмотря на то что в дальнейших суждениях авторов этот посыл не находит логического завершения, именно в сути этой идеи для нас (на качественно ином теоретическом уровне) объективируются векторы одной хорошо забытой дискуссии. Во-первых, о характере и содержании действий и решений прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением, как самостоятельной стадии уголовного процесса России. Во-вторых, о сути этой стадии как этапе формирования государственного обвинения: суть притязания (иска) государства на реализацию уголовной ответственности в отношении, как утверждается, виновного лица, подлежащего разрешению независимым и беспристрастным судом.

Впервые тезис о том, что этап, на котором прокурор реализует ком-

плекс действий и решений, связанных с проверкой поступившего к нему дела и утверждением обвинительного заключения, возможно, следует считать самостоятельной стадией советского уголовного процесса, был поставлен на обсуждение Г. М. Миньковским¹⁷. Однако более определенно ответ на этот вопрос был все же сформулирован Н. П. Подольной, последовательно характеризующей этот этап как «стадию прокурорской проверки», суть которой сводится к проверке уполномоченным прокурором законности и обоснованности предварительного расследования по уголовному делу¹⁸.

Безусловно соглашаясь с первой частью приведенного вывода — о «стадийности» указанного этапа, одновременно возразим по его основе, отстаиваемой Н. П. Подольной. Акцентуации на преимущественно проверочном характере деятельности прокурора на этом этапе в принципе не указывают ни на задачи, ни на цели этой проверки, ни на тождество или отличия ее средств от аналогичной надзорно-проверочной деятельности прокурора, в целом присущей этому субъекту на досудебном этапе. Между тем «проверка ради проверки» без ясной значимой цели нивелирует назначение указанной стадии, актуальность ее объективации как самостоятельного этапа структуры уголовного процесса России. Между тем «стадийность» исследуемого этапа верифицируется через систему фактически общепризнанных критериев, применяемых для «вычленения» и характеристики стадий. Поэтому мы утверждаем, что это не «самостоятель-

¹⁷ См.: Миньковский Г. М. Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. М., 1957. С. 39.

¹⁸ См.: Подольная Н. П. Деятельность прокурора по делам с обвинительным заключением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975. С. 5—8.

¹⁶ См.: Смирнов А. В. Уголовный процесс: учебник. М., 2017. С. 466—467.

ная часть» уголовного судопроизводства России. Это стадия со своими непосредственными задачами; специфическими методами (средствами) их разрешения, установленными законом; особым кругом участников; собственной внутренней структурой.

При более или менее объективном анализе средств деятельности прокурора на этом этапе прежде всего видится несостоятельным тезис о том, что последние не уголовно-процессуального, а «организационно-административного» характера. Каждое из полномочий прокурора, проверяющего материалы поступившего дела, основано на нормах уголовно-процессуального закона, а не иных отраслей российского права. Например, в части указаний, связанных с возвращением уголовного дела в следственный орган (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ), направлением дела вышестоящему прокурору (п. 3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ), при решении вопросов, связанных с отменой меры пресечения в отношении обвиняемого (ч. 2 ст. 221 УПК РФ) или необходимостью ее продления в судебном порядке (ч. 2¹ ст. 221 УПК РФ). В уголовно-процессуальном порядке, а не по правилам КАС РФ разрешаются споры между следственным органом, не согласным с указаниями прокурора на этом этапе, и убеждением прокуратуры об их исходной законности и обоснованности (ч. 4 ст. 221 УПК РФ). По правилам уголовно-процессуальных, а не «организационных» отношений разрешаются ходатайства заинтересованных лиц, адресуемые прокурору как органу, в чьем производстве на данный момент находится уголовное дело. В итоге мы не видим ни сугубо «организующих», ни исключительно «административно-управленческих» действий и решений прокурора, связанных с проверкой и принятием решений по поступившему делу, — это деятельность уголовно-процессуальная, имеющая строгую процессуальную форму.

Ничтожен и довод о том, что именно прокурор является единственным участником этой «самостоятельной части», ибо потенциальный круг участников на этом этапе ни в чем не уступает кругу участников стадии предыдущей и стадии последующей. Субъектами уголовно-процессуальных отношений, где одним из них является «проверяющий» прокурор, могут, например, являться: следователь и руководитель следственного органа (вышестоящий прокурор и вышестоящий руководитель следственного органа, Генеральный прокурор РФ) в случаях, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ; суд и иные участники оперативного судебного контроля в случаях, регламентированных ч. 2¹ ст. 221 УПК РФ; обвиняемый (его защитник, законный представитель), потерпевший (его представитель) в случаях заявления ими ходатайств непосредственно прокурору или при реализации последним норм ч. 2 ст. 222 УПК РФ.

Не вызывает сомнений и уголовно-процессуальная природа структуры указанной стадии. Нормами УПК РФ урегулированы начальный и конечный момент деятельности прокурора на этом этапе, ее предельные сроки (ч. 1 и 1¹ ст. 221 УПК РФ), итоговые виды решений, принимаемых по итогам проверки (п. 1—3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ), их надлежащая процессуальная форма (ч. 3 ст. 221 УПК РФ). В итоге и этот критерий подтверждает характеристики стадии. Для того чтобы разделить убежденность о «стадийном» характере исследуемого этапа, осталось верифицировать критерий непосредственной задачи, подлежащей разрешению, и критерий ее материально-центричной сути, призванной быть телеологически согласованным средством разрешения вопросов материального права, а не сугубо процессуальных задач.

Ранее уже отмечались посылы ряда исследователей к акцентуации

характера контрольно-проверочной деятельности прокурора применительно к материалам поступившего дела, включая, естественно, его итоговый акт — обвинительное заключение следственных органов. Поднимались также вопросы о реальных задачах этой проверки и основанных на них итоговых целях, на достижение которых ориентирован прокурор. Особых новаций в этих моментах ожидать не приходится, ибо доктрина и практика в целом определились в этих вопросах. Суждения о том, что предмет прокурорской проверки (на рассматриваемом этапе) прежде всего обусловлен свойствами законности и обоснованности предшествующего производства по делу, являются определяющими для характеристики комплекса действий и решений этого субъекта применительно к нормам гл. 31 УПК РФ. Соответственно, любое из указаний прокурора об устранении выявленных нарушений закона, адресованное следственным органам, можно рассматривать с позиций реализации собственно надзорных функций прокурора, его задач по обеспечению единой законности. Но, помнится, эта же функция была определяющей для прокурора на стадиях возбуждения дела и предварительного расследования. Таким образом, ничего качественно нового для исследуемой стадии мы не получаем, ее самостоятельность не акцентируем, если, конечно, не принимать во внимание цели направления уголовного дела (через прокурора) в суд.

Между тем эти цели известны: объективное и беспристрастное разрешение средствами правосудия основного вопроса уголовного дела о виновности обвиняемого и применении к нему ответственности за деяние, которое было установлено, доказано следственными органами, утверждающими, что юридические и фактические основания для этого объективно в наличии. Именно эти цели опосредуют комплекс действий

и решений прокурора по поступившему делу. В итоге, с одной стороны, выявленные нарушения закона оцениваются последним не только с позиций обеспечения интересов и прав заинтересованных лиц (надзорная функция), но и с позиций легитимности обвинения, поддерживать которое в суде предстоит прокурору. Как известно, лишь по факту указанных нарушений обвинение может быть признано судом несостоятельным, в силу чего дело будет возвращено прокурору по основаниям п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. С другой стороны, прокурором оценивается качество обвинения, поскольку основные концепты этого утверждения именно ему предстоит поддерживать в суде (функция государственного обвинения). При этом его незаконность (необоснованность), выявленная судом, может вызвать отказ в рассмотрении дела по существу, его возвращение прокурору по основаниям п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Наконец, формальный подход к предмету проверки влечет последствия, предусмотренные ч. 7 ст. 246 УПК РФ, когда прокурор будет вынужден отказаться от поддержания обвинения непосредственно в суде, причем обвинения, внесенного в суд от имени государства как единственно легитимного субъекта права на наказание. Обвинения суть государственного притязания-иска, с законностью и обоснованностью которого прокурор либо полностью согласился, утверждая обвинительное заключение и направляя дело в суд, либо властно (именем государства) «переформатировал» в соответствии со своим убеждением о его истинной юридической и фактической сути (ч. 4 ст. 221 УПК РФ). Таким образом, непосредственные задачи стадии имеют двуединый характер:

во-первых, это задача проверки в целом законности и обоснованности предшествующего уголовного судопроизводства прежде всего с позиций влияния выявленных наруше-

ний закона на оценку утверждения о виновности (обвинения), как легитимного, обоснованного, допустимого к рассмотрению и разрешению по существу средствами правосудия;

во-вторых, задача объективной оценки качества собственно утверждения следственных органов о виновности (п. 22 ст. 5 УПК РФ) для целей его утверждения (выдвижения) перед судом как обвинения государственного; как притязания-иска государства на признание обвиняемого виновным, подлежащим справедливому наказанию.

Подобное понимание задач исследуемой стадии закономерно ставит вопрос о критерии их материально-центричной сути, направленной, как уже отмечалось, к решению задач уголовного права. Именно наличие (отсутствие) этого критерия может стать определяющим как для признания реальной «стадийности» исследуемого этапа, так и для точного понимания сути деятельности прокурора по нормам ст. 221 УПК РФ.

Обратимся в связи с этим к сути и характеру обвинения, которое изучает, проверяет, утверждает прокурор на этом этапе. На первый взгляд акценты в этих моментах расставлены однозначно, причем нормативно, доктринально, практически. Пункт 22 ст. 5 УПК РФ поясняет: обвинение — суть утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ. Чье это утверждение, в каком порядке оно объективируется в уголовном процессе — раскрывают нормы ст. 171—174 УПК РФ, регламентирующие институт привлечения в качестве обвиняемого. Отсюда и ответы: это обвинение (утверждение) следственное; фактически и юридически оно формируется в стадии предварительного расследования. Процессуальная форма его объективации — постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ) и обвинительное заключение (ст. 220

УПК РФ). И первое, и второе — акты суть следственные; кардинально повлиять на юридическую и фактическую основу последних прокурор, как известно, не в состоянии, но ровно до того момента, пока это обвинение не представлено на проверку и утверждение обвинительной власти. Исключительно актом последней обвинение приобретает характер государственного; это уже не утверждение следственного органа, а позиция государства. Являясь единственно легитимным субъектом права на наказание, именно государство обращается с иском к суду, утверждая и о доказанности факта деяния, запрещенного уголовным законом, и о наличии достаточных фактических оснований для постановки вопроса о наказании за совершение этого деяния конкретно установленных лиц¹⁹.

В итоге утверждение прокурором обвинительного заключения — акт не формальный, не процедурный; это акт формирования государственного притязания-иска на рассмотрение и разрешение независимым и беспристрастным судом права государства на наказание (в пределах, окончательно определенных судом). Как следствие, юридически и морально оправданы качественно отличные от стадии предварительного расследования полномочия прокурора по несогласию с тем обвинением, которое представлено следственным органом, и его властному «переформатированию» посредством норм п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Оправдано и то, что императивное разрешение (возможного) спора по этим моментам именно за обвинительной властью (ч. 4 ст. 221 УПК РФ), а не за системой процессуально независимых следственных

¹⁹ Прав был в этом контексте М. С. Строгович, утверждая, что государственное обвинение — это «обвинение от лица государства и в его интересах». См.: *Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 232.*

органов, настаивающих на законности и обоснованности своего утверждения.

Нам могут возразить: право государства на наказание и право прокурора на утверждение обвинительного заключения — акты суть разные, несогласующиеся; как следствие, приводимые суждения явно искусственны. Попробуем объяснить, для этого будем апеллировать к категории уголовной ответственности, к отношениям уголовно-правовым и уголовно-процессуальным в их диалектике.

Как известно, структура любого отношения может быть выражена формулой: «S — O — S», где один субъект находится в отношении с другим субъектом по поводу объекта их отношений. Известно и то, что уголовно-правовое отношение возникает в момент совершения деяния, запрещенного уголовным законом. Одним из субъектов этого отношения является государство (в лице своих органов); другим — лицо, совершившее деяние, запрещенное уголовным законом. Объект, по поводу которого они вступили в отношение, есть уголовная ответственность, так как именно в момент совершения деяния государство становится публично обязанным установить лицо, совершившее это деяние, доказать его виновность, привлечь к уголовной ответственности. Аналогично обязанным осознает себя другой субъект отношения; именно последнее нередко побуждает его к уничтожению доказательств содеянного, перемене постоянного места жительства, изменению паспортных данных, внешности и т. д. Таким образом, уже в момент совершения деяния уголовно-правовое отношение предстает сформированным, с определенным субъектным составом, правовым содержанием, постоянным объектом правовых отношений. Отсюда «уголовная ответственность» как правовое явление приобретает определяющее значение, ибо, как верно

отмечал А. А. Пионтковский, «...все уголовное право и уголовный процесс занимаются лишь различными сторонами решения вопроса об уголовной ответственности»²⁰.

Между тем единства в этом вопросе не наблюдается, так как в сути уголовной ответственности усматривают различные правовые явления. Одна группа исследователей настаивает, что суть уголовной ответственности в обязанности лица отвечать за содеянное, т. е. понести неблагоприятные последствия, которые вытекают из факта совершения преступного деяния и связаны с осуждением, наказанием и судимостью²¹. Другая — сводит данную суть к государственному порицанию (осуждению) виновного, выраженному в обвинительном приговоре суда, вступившем в законную силу²². Третья — видит ее выражение исключительно в применении (реализации) санкций правовых норм, по существу, уголовная ответственность отождествляется с наказанием²³. Известны также подходы к синергетическому объединению указанных элементов в единое целое — уголовную ответственность — объективирующее свое содержание по мере развития (динамики) уголовно-правовых отношений²⁴.

Разделяя основы последней позиции, рассмотрим процесс развития уголовно-правовых отношений

²⁰ Пионтковский А. А. О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право. 1967. № 12. С. 40.

²¹ См., например: Лейкина Л. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 2.

²² См., например: Санталов А. И. Уголовно-правовые отношения и уголовная ответственность // Вестник ЛГУ. 1974. № 5. С. 128.

²³ См., например: Фарушкин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 69.

²⁴ См., например: Радько Т. Н. Вопросы ответственности наказания в свете решений XXVII съезда КПСС // XXVII съезд КПСС и проблемы юридической ответственности. Рязань, 1982. С. 8.

и уголовной ответственности в их диалектике с уголовным судопроизводством России. Как известно, факт совершения преступления в течение длительного периода времени может быть неизвестен правоохранительным органам; соответственно, уголовно-правовое отношение пребывает в статике, не объективируя вове свое содержание. Уголовная ответственность на этот момент — потенциальная по сути обязанность, которая, возможно, не будет реализована совсем. Другое дело, когда о событии деяния станет известно; когда при наличии законного повода и достаточного основания (ч. 2 ст. 140 УПК РФ) будет решен вопрос о возбуждении уголовного дела (ст. 146 УПК РФ). Именно в этот момент государство (в лице уполномоченных органов) впервые публично заявляет: нам известно о факте деяния, запрещенного уголовным законом, известно об уголовно-правовом отношении, об обязанности установить лицо, совершившее это деяние, обязанности по привлечению его к установленной законом ответственности. Именно фактом возбуждения уголовного дела начинается публичная уголовно-процессуальная деятельность по доказыванию юридически значимых обстоятельств совершенного деяния и причастности к нему конкретного лица (лиц).

Рано или поздно наступает момент, когда следственные органы считают достаточно доказанным как факт преступного деяния в его юридически значимых признаках, так и факт причастности к этому деянию конкретного лица, которого они считают виновным. Эта убежденность объективируется как обвинение (ст. 171 УПК РФ), в рамках которого впервые конкретному лицу на основе собранных доказательств предъявляют обвинение в совершении конкретного преступления (пункт, часть, статья, квалифицирующие признаки). Не комментируя процессуальные последствия этого акта, отметим его мате-

риальную суть. В 1973 г. Верховный Суд РСФСР по делу У. указал: «Датой привлечения лица к уголовной ответственности является дата вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а не время вынесения приговора»²⁵. Таким образом, в момент привлечения в качестве обвиняемого конкретное лицо привлекается к обязанности дать ответ за конкретное преступление (в форме осуждения, наказания и судимости), т. е. к первому элементу уголовной ответственности.

Уголовное судопроизводство на этом, как правило, не заканчивается и (со временем) процесс доказывания дает основания для утверждений не только вероятностных, но и достоверных по сути. В итоге по мере развития уголовно-правовых отношений в момент вынесения приговора и вступления его в законную силу реализуется следующий элемент уголовной ответственности — государственное осуждение (порицание) преступника; признание его виновным, а деяния — преступным именем государства. Если государство не считает возможным ограничиться указанным и настаивает на наказании, уголовно-правовое отношение продолжает развитие и реализуется следующий элемент уголовной ответственности: санкции норм материального права в пределах, установленных приговором. С отбытием наказания осужденный нередко остается обязанным перед государством, претерпевая негативные правовые последствия в виде судимости. И только когда судимость снята или погашена в установленном законом порядке, лицо больше не обязано перед государством; последнее не имеет претензий правового характера к лицу, полностью исчерпавшему содержание уголовной ответственности. Уголовно-правовое отношение прекра-

²⁵ Цит. по: Уголовный процесс России / науч. ред. В. Т. Томин. С. 404.

щает существование, не имея (законного) объекта для отношений.

Последние тезисы не предмет обсуждения в рамках данной работы; нам важно принципиально иное: если в момент привлечения в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ) лицо привлекается к уголовной ответственности, в чем материальная суть акта утверждения прокурором обвинительного заключения? Ответы на этот вопрос формулирует В. С. Зеленецкий:

этап проверки прокурором материалов уголовного дела и утверждения обвинительного заключения следует именовать стадией возбуждения государственного обвинения;

комплекс его решений и действий на этом этапе надо характеризовать с позиций телеологически согласованной деятельности, суть которой — формирование государственного обвинения;

в процессе формирования этого обвинения окончательно завершается согласованный и динамичный процесс привлечения лица (лиц) к уголовной ответственности²⁶.

Казалось бы, при столь солидной основе следует лишь широко цитировать этого автора, правильно подбирая актуальные аргументы и ссылки. Однако мы позаимствуем лишь наименование стадии; остальное поддержать несколько затруднительно. Во-первых, с позиций неразрешенности центральных проблем: о соотношении обвинения «следственного» и «государственного», в том числе в их диалектике с содержанием уголовной ответственности. Во-вторых, при отсутствии ответа на определяющий вопрос: если обвиняемый уже привлечен к уголовной ответственности следственным органом (ст. 171—174 УПК РФ), в чем материально-центричная суть акта утверждения об-

винительного заключения прокурором?

И дело даже не в том, что В. С. Зеленецкий не может определиться в характеристиках обвинения «следственного» и «государственного», отстаивая, с одной стороны, суждение о том, что это его два совершенно самостоятельных вида и их не следует отождествлять²⁷, а с другой стороны, перманентно повторяясь в константах, по сути которых акт привлечения к уголовной ответственности есть процесс динамичный и, соответственно, в основаниях привлечения лица в качестве обвиняемого и утверждения обвинительного заключения прокурором имеется много общего²⁸. Дело, как представляется, в методологической ошибке: в идее, с которой исследователь не желает расстаться.

Пытаясь объяснить связь обвинения с категорией уголовной ответственности и роль прокурора в объективации последней, В. С. Зеленецкий пробует доказать, что «привлечение лица к уголовной ответственности представляет собой не одноактное действие, а процесс, нижней границей которого является привлечение лица в качестве обвиняемого следователем... верхней — возбуждение государственного обвинения прокурором и направление им дела в суд первой инстанции»²⁹; «привлечение к уголовной ответственности — не единовременный акт... а протяженный, обладающий определенной длительностью процесс, пространственно-временные границы которого охватывают период с момента привлечения лица в качестве обвиняемого до утверждения обвинительного заключения прокурором, возбуждения им государственного обвинения с последующим направлением уголовного дела в суд»³⁰.

²⁷ См.: Зеленецкий В. С. Указ. соч. С. 25.

²⁸ Там же. С. 50, 100.

²⁹ Там же. С. 71—72.

³⁰ Там же. С. 93.

²⁶ См.: Зеленецкий В. С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. 144 с.

При всем уважении к настойчивости исследователя в отстаивании столь сложной материально-процессуальной конструкции позволим себе задаться все тем же вопросом. Если акт привлечения к уголовной ответственности (к обязанности!) уже состоялся в момент привлечения лица в качестве обвиняемого, к какому именно элементу уголовной ответственности привлекается обвиняемый в момент утверждения обвинительного заключения? Вновь к обязанности — но при всем уважении к сути последней резонно узнать: уже в который раз, учитывая акты перепредъявления обвинения на предварительном следствии, возможно возвращение дела от прокурора в следственный орган и т. п.

Мы на стороне тех исследователей, которые однозначны в суждении: привлечение к уголовной ответственности — акт единовременный (одномоментный)³¹; рассуждать о его нижней и верхней границах, о длящемся первоначальном и конечном моментах значит нивелировать значение этого акта и с процессуальных, и с материальных позиций. И даже «весомые» доводы о том, что это уже обвинение государственное и, соответственно, привлечение «государственное», не в состоянии снять сомнения в том, что суть важнейшего материального акта пытаются искусственно «растянуть» в угоду субъективной концепции.

Выскажем наши подходы по этим моментам. Полагаем, ранее озвученный прецедент, по сути которого «датой привлечения лица к уголовной ответственности следует считать дату привлечения в качестве обвиняемого», — вывод ошибочный. Реальным актом привлечения уголовно преследуемого лица к матери-

альной обязанности дать ответ за совершенное преступление является акт утверждения прокурором обвинительного заключения. Доводы, подтверждающие рациональность указанного, в следующем:

в реальном уголовном процессе акт привлечения в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ) нередко выполняет сугубо процессуальную роль, обеспечивая, например, властные требования прокурора вынести указанный акт: как «оправдание» законности и обоснованности задержания подозреваемого в порядке ст. 91—92 УПК РФ; как необходимое условие поддержания прокурором того или иного ходатайства следственных органов, подлежащего разрешению в порядке судебного контроля (ст. 108, 165 УПК РФ); как необходимое условие положительного разрешения иных обращений следственных органов. Выполняя служебную роль, эти акты, как правило, не обоснованы, содержат прогностическую квалификацию содеянного, в итоге не воспринимаются в качестве реального акта привлечения к уголовной ответственности. Свидетельства тому неоднократные изменения, дополнения этого обвинения, исключения его в части и полностью, перманентное перепредъявление обвинения;

как следствие, реальное законное и обоснованное обвинение объективируется в форме обвинительного заключения. Именно этот акт максимально полно и систематизировано включает окончательную юридическую квалификацию содеянного по нормам материального права; полное и системное изложение фактической стороны обвинения с приведением и анализом конкретных доказательств по каждому эпизоду преступных деяний, по каждому обстоятельству, входящему в предмет доказывания (ч. 1 ст. 73 УПК РФ); доводы уголовно преследуемого лица, приведенные в свою защиту, результаты их проверки следственным органом;

³¹ См.: Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971. С. 16; Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 9.

этот же акт служит непосредственным предметом проверки и оценки суда как в стадии подготовки дела к судебному разбирательству, так и при рассмотрении дела по существу. Именно он воспринимается в качестве итогового утверждения о виновности, который, определяя предмет и пределы судебного разбирательства, может и должен быть поставлен на разрешение независимого и беспристрастного суда для целей разрешения по существу основного вопроса уголовного дела;

суть и содержание этого акта оправданы и с позиций материального права, поскольку предметом рассмотрения дела по существу выступает притязание о наказании, которое, как уже отмечалось, принадлежит исключительно государству. Следственный орган не может быть и не является субъектом самостоятельного формирования и внесения этого притязания в суд; он должен быть внесен исключительно от государства. В итоге именно прокуратура обязана сформировать и утвердить итоговый иск-утверждение о виновности и праве государства на наказание; на основе этого утверждения реализовать акт привлечения лица к уголовной ответственности (к обязанности отвечать). Отсюда верны нормы закона, обязывающие именно прокурора вручить копию утвержденного обвинительного заключения обвиняемому (ч. 2 ст. 222 УПК РФ) — как акт, определяющий предмет и пределы уголовно-правовых притязаний государства, предмет и пределы судебного разбирательства;

на этих концептах основан акт привлечения к уголовной ответственности в большинстве известных уголовно-процессуальных систем. Эта же рациональная суть ле-

жит в основе акта привлечения в качестве обвиняемого в процессуальной форме дознания, реализуемого по нормам гл. 32 и 32¹ УПК РФ. По аналогичным лекалам реформировано уголовно-процессуальное право большинства стран СНГ. Например, в УПК Украины фигура обвиняемого в стадии предварительного расследования отсутствует в принципе, процесс ведется в отношении подозреваемого; суть уголовного преследования и его юридическая квалификация излагаются в уведомлении о подозрении, которое в императивном порядке предъявляется этому лицу. Исключительно посредством обвинительного акта данное лицо приобретает статус обвиняемого; последнее — функция сугубо обвинительной власти; именно прокурор формирует иск-притязание, берет на себя ответственность за поддержание его непосредственно перед судом.

По этим же векторам следует реформировать досудебное уголовное судопроизводство России, точно расставив акценты в деятельности и актах следственных, прокурорских, судебных органов. И прежде всего следует не вуалировать реальные суть и значение деятельности, реализуемой по нормам гл. 31 УПК РФ, а официально признать, что это самостоятельная, значимая, полноценная стадия уголовного судопроизводства России. Суть этой стадии — формирование государственного обвинения и законное и обоснованное привлечение к ответственности уголовно преследуемых лиц. Именно в этом контексте, с этими задачами и назначением данная стадия должна занять достойное место в системно согласованной и телеологически единой структуре уголовного судопроизводства России.

Библиографический список

- Гриненко А. В. Уголовный процесс: учебник для вузов. 2-е изд. М., 2013.
- Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973.
- Зеленецкий В. С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. 144 с.

Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971.

Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016.

Лейкина Л. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968.

Манова Н. С. Уголовный процесс: курс лекций. М., 2010.

Миньковский Г. М. Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. М., 1957.

Пионтковский А. А. О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право. 1967. № 12.

Подольная Н. П. Деятельность прокурора по делам с обвинительным заключением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975.

Радько Т. Н. Вопросы ответственности наказания в свете решений XXVII съезда КПСС // XXVII съезд КПСС и проблемы юридической ответственности. Рязань, 1982.

Росинский С. Б. Уголовный процесс: учебник. М., 2009.

Санталов А. И. Уголовно-правовые отношения и уголовная ответственность // Вестник ЛГУ. 1974. № 5.

Смирнов А. В. Уголовный процесс: учебник. М., 2017.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970.

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. Ю. К. Якимович. СПб., 2007.

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003.

Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2012.

Уголовный процесс России: учебник / науч. ред. В. Т. Томин. М., 2003.

Уголовный процесс Российской Федерации: учебник / отв. ред. А. П. Кругликов. М., 2009.

Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд. М., 2008.

Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. М., 2017.

Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. 3-е изд. М., 2017.

Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко, А. Г. Тузова. Ростов н/Д., 2015. 445 с.

Фарушкин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.

References

Course of the criminal process. Ed. by L. V. Golovko. Moscow, 2016. 1278 p. (In Russ.)

Criminal Procedure Law of the Russian Federation. Ed. by P. A. Lupinskaya. Moscow, 2003. 797 p. (In Russ.)

Criminal Procedure Law of the Russian Federation. Ed. by Yu. K. Yakimovich. St. Petersburg, 2007. 890 p. (In Russ.)

Criminal Procedure Law. Ed. by V. M. Lebedev. Moscow, 2012. 1016 p. (In Russ.)

Criminal Procedure of Russia. Ed. by V. T. Tomin. Moscow, 2003. 821 p. (In Russ.)

Criminal Procedure of the Russian Federation. Ed. by A. P. Kruglikov. Moscow, 2009. 376 p. (In Russ.)

Davydov P. M. Charge in the Soviet criminal process. Dr. diss. thesis. Sverdlovsk, 1973. 47 p. (In Russ.)

Grinenko A. V. The criminal process. 2nd ed. Moscow, 2013. 334 p. (In Russ.)

Karneeva L. M. Criminal prosecution. Legality and validity. Moscow, 1971. 136 p. (In Russ.)

Leykina L. S. The identity of the perpetrator and criminal liability. Leningrad, 1968. 128 p. (In Russ.)

Manova N. S. The criminal process. Moscow, 2010. 398 p. (In Russ.)

Minkovskiy G. M. The end of the preliminary investigation and the right of the accused to the defense. Moscow, 1957. 211 p. (In Russ.)

Piontkovskiy A. A. On the concept of criminal responsibility. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1967, no. 12, pp. 40—48. (In Russ.)

Podolnaya N. P. The activities of the prosecutor in cases with indictment. Cand. diss. thesis. Moscow, 1975. 23 p. (In Russ.)

Radko T. N. Questions of liability punishment in the light of the decisions of the XXVII Congress of the CPSU. *XXVII Congress of the CPSU and the problems of legal responsibility*. Ryazan, 1982. Pp. 3—18. (In Russ.)

Rossinskiy S. B. The criminal process. Moscow, 2009. 735 p. (In Russ.)

Samoshchenko I. S., Farukshin M. Kh. Responsibility under the Soviet legislation. Moscow, 1971. 240 p. (In Russ.)

Santalov A. I. Criminal law relations and criminal liability. *Vestnik LGU*. 1974, no. 5, pp. 128—132. (In Russ.)

Strogovich M. S. The course of the Soviet criminal process. Vol. 2. Moscow, 1970. 616 p.

The criminal process. Ed. by A. I. Bastrykin, A. A. Usachev. 3rd ed. Moscow, 2017. 415 p. (In Russ.)

The criminal process. Ed. by A. V. Smirnov. 4th ed. Moscow, 2008. 704 p. (In Russ.)

The criminal process. Ed. by O. I. Andreeva, A. D. Nazarov, N. G. Stoyko, A. G. Tuzov. Rostov-on-Don, 2015. 445 p. (In Russ.)

The criminal process. Ed. by V. P. Bozhev, B. Ya. Gavrilov. Moscow, 2017. 490 p. (In Russ.)

Zelenetskiy V. S. The excitement of state accusations in the Soviet criminal process. Kharkov, 1979. 144 p. (In Russ.)